

Арина Мельникова

Невзаимно

Арина Мельникова

Невзаимно

«Автор»

2026

Мельникова А.

Невзаимно / А. Мельникова — «Автор», 2026

Соня Громова семь лет хранила в сердце тихую, безответную влюблённость в своего соседа Кирилла Пономарева. В свой двадцать первый день рождения Соня решила всё изменить и отпустить свою первую любовь. Но правда ли её чувства невзаимны?

© Мельникова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29

Арина Мельникова

Невзаимно

Глава 1

Сложно сказать, сколько раз Соне приходилось сталкиваться с тем, что любимый человек её не замечает. Он словно видел всех вокруг — но только не её. Она чувствовала себя невидимкой, пустым местом, и от этой мысли внутри всё сжималось.

Эти горькие чувства успели порядком надоесть. Если бы Соня могла повернуть время вспять, она, пожалуй, пожелала бы никогда не влюбляться в Кирилла Пономарева. Но судьба распорядилась иначе.

Всё началось ровно семь лет назад. Тогда ей было всего четырнадцать, и она впервые увидела его — обычного соседского парня, сына семьи, жившей по соседству.

Возможно, Соня и не обратила бы на него внимания, хотя конечно Кирилла было трудно не заметить. Пусть он и был её ровесником, уже тогда он не оставлял равнодушными не только сверстниц, но и многих других.

Русые кудрявые волосы, зелёные глаза, прямой нос, пухлые губы и волевой подбородок — в нём будто сошлись все черты, которые так цепляют взгляд. А ещё он был лучшим игроком школьной баскетбольной команды: при росте 185 сантиметров и крепком спортивном телосложении он двигался по площадке с такой уверенностью, что невозможно было отвести глаза.

Впрочем, Соня давно привыкла к красивым парням. У неё было три старших брата — настоящие красавцы, вокруг которых вечно крутились такие же эффектные ребята. Так что, если бы не тот роковой случай, она, скорее всего, просто скользнула бы взглядом по фигуре Пономарева и пошла дальше.

7 ЛЕТ НАЗАД

Старшие братья — Лёша, Дима и Никита — вместе с отцом, Леонидом Громовым, собирались в поход. Мама, Наталья Александровна, к таким приключениям была равнодушна. «Блуждать непонятно где и спать на траве в компании с букашками?» — с лёгкой усмешкой повторяла она, твёрдо оставаясь при своём мнении.

Соня, к своему искреннему сожалению, уже пообещала лучшей подруге Тане провести вместе девчачий день — такой, как в американских мелодрамах: с болтовнёй до поздней ночи, любимыми фильмами и бесконечными порциями сладостей.

И теперь мысль о том, что вся семья уходит в лес, а она остаётся, отзывалась в душе Сони тихой грустью. Ей хотелось шагать по лесной тропе вместе со всеми, вдыхать свежий воздух, слушать, как братья перебрасываются шутками, и чувствовать рядом надёжное отцовское плечо.

Но нарушить обещание она не могла. Таня почти две недели без умолку щебетала о предстоящей ночёвке, описывая каждую деталь будущего вечера с таким восторгом, что Соня прекрасно понимала: если она вдруг откажется, подруга сильно обидится. И эта мысль заставляла её крепче держаться за данное слово.

— Соня, только никаких ночных походов, ладно? Проведите этот вечер дома, я тебя очень прошу.

— Мам, ну правда, хватит переживать! Мы и не собираемся никуда выходить. Сделаем маски, включим какую-нибудь комедию и будем просто болтать.

— Хорошо, хорошо... Ты уж пойми меня — я волнуюсь. Тебе всего четырнадцать, а в этом возрасте так тянет на приключения...

— Ну мам, я уже не ребёнок! Соня стала собиралась к подруге на ночёвку с каким-то преувеличенным усердием — будто, если делать всё быстро и старательно, тоска от расставания станет чуть тише. А больше всего на свете ей сейчас хотелось быть рядом с отцом и братьями: походы с ночёвками были их особым семейным ритуалом, тем самым клеем, что скреплял их маленькую вселенную.

У неё была по-настоящему дружная семья. Мама всегда старалась понять и поддержать, разве что порой чересчур настойчиво пыталась пробудить в Соне интерес к «настоящей девичьей жизни» — ко всем этим маскам, нарядам и прочим вещам, от которых на Соню накатывала скука. Зато с папой всё было иначе: он умел сделать каждый день приключением. То они мчались в другой город, то карабкались на гору, то шли по лесной тропе до самого заката, то сидели с удочками в тишине рассвета. А походы были настоящей отдушиной Сони — её любимым кусочком счастья.

С братьями она всегда находила общий язык: они обожали младшую сестрёнку и без конца её баловали. В походах они беззлобно подшучивали друг над другом, и воздух будто звенел от смеха. А вечером все собирались у костра, ели кашу, которая в походных условиях казалась самой вкусной на свете. Именно этого — этого простого, тёплого, шумного уюта — Соне сейчас отчаянно не хватало. И мысль о том, что сегодня она будет не там, царапала изнутри.

Мама тихо подошла и обняла Соню, ласково взъерошив её длинные русые волосы.

— Не злись, я просто очень беспокоюсь. Но обещаю, что не стану вам с Таней праздник портить. Только, пожалуйста, позвони мне перед сном, чтобы я знала, что ты в порядке.

Соня крепко обняла маму в ответ, на мгновение прижавшись к её плечу — словно хотела забрать с собой хоть чуточку этого домашнего тепла.

— Я не злюсь, мам. Хорошо, обязательно позвоню. Так что не переживай, ладно?

Мама чуть отстранилась, улыбнулась и ласково провела рукой по её волосам.

— Спасибо, солнышко. Не буду тебе мешать — собирайся спокойно. Скажи, когда будешь готова, — я тебя подвезу.

Таня без конца ходила взад-вперёд по своей комнате, будто пыталась шагами унять нетерпение. Каждая минута тянулась бесконечно — она ждала, когда наконец приедет Соня.

В дверь позвонили, и Таня сорвалась с места. Она метнулась к выходу, опережая родителей: не хотела тратить ни секунды на приветствия и пустые разговоры. Сегодня ей предстояло сказать нечто куда более важное.

От волнения Таня чувствовала, как жар приливает к щекам, а кожа покрывается красными пятнами. В груди всё сжималось от страха: а вдруг подруга отреагирует совсем не так, как хочется? Вдруг вообще не захочет больше общаться? Но скрывать правду Таня больше не могла — тайна жгла изнутри, не давая дышать спокойно.

— Привет! — просипела Таня, сжимая подругу в объятиях прямо на пороге.

— Привет! Может, уже пропустишь меня в квартиру? — со смехом ответила Соня, пытаясь высвободиться из чересчур крепких объятий.

— Ой, прости! Проходи скорее.

— Всё хорошо, Тань? Ты какая-то бледная... И голос у тебя странный.

Таня быстро оглянулась, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и, схватив подругу за руку, прошептала:

— Не здесь.

Она потянула Соню за собой, почти волоча её по коридору, и устремилась в комнату. Плотной захлопнув дверь, наконец отпустила её руку. Потом заметалась по комнате, кружась, словно пытаясь унять дрожь, и, не найдя себе места, без сил плюхнулась на кровать.

Не успела Соня и слова сказать, всё ещё пребывая в растерянности, как Таня, сбивчиво тараторя, посыпалась извинениями. Она бормотала что-то про предательство, про то, что всё вышло случайно, что она ничего не планировала, а их дружба для неё — самое дорогое на свете.

— Таня, успокойся, я ничего не понимаю, — Соня присела рядом, мягко положив ладонь на её дрожащую руку. — Пожалуйста, говори помедленнее.

Таня на секунду замерла, судорожно втянула воздух, будто собираясь с силами, и тихо, но твёрдо выговорила:

— Соня, я влюбилась в твоего брата Никиту. Точнее... нет, не так. Я уже люблю его. Давно. Он мне понравился с самого начала — с той самой минуты, как я его увидела.

Хоть Соня и понимала, что для подруги этот разговор — настоящее испытание, что она долго собиралась с духом, чтобы всё рассказать, она не смогла сдержаться и вдруг звонко рассмеялась.

Таня отпрянула и уставилась на неё с изумлением, в её глазах мелькнули обида и растерянность.

— Тань... Прости, я не то хотела... — Соня поспешно стёрла улыбку с лица, изо всех сил стараясь выглядеть серьёзной, и потянулась к подруге, чтобы взять её за руку. — Я вовсе не над тобой смеюсь. Просто ты так переживала, будто мир рушится, а оказалось... ты просто полюбила Никиту.

— «Просто»? — горько повторила Таня, чуть вздёрнув подбородок. — Всё совсем не просто. Никита... он такой...

Соня прекрасно понимала, о чём она. В её братьев и правда было сложно не влюбиться — она уже столько раз слышала эти признания, столько раз видела, как девчонки теряли голову.

Лёша, самый старший, недавно отметил двадцать первый день рождения и успешно закрыл четвертый курс столичного медицинского университета. Светлые, пшеничного оттенка волосы обрамляли его выразительное лицо, а синие, почти стальные глаза смотрели твёрдо и спокойно. Высокий, статный, с мощной, крепкой фигурой, он неизменно притягивал взгляды. При этом Лёша был удивительно добрым — и многие девушки невольно принимали его вежливость за интерес. Но на самом деле его сердце было занято одной-единственной целью. После смерти дедушки все его мечты, все стремления сосредоточились на одном: стать лучшим нейрохирургом. А для этого полумер было недостаточно — нужно было выкладываться до конца, без остатка.

Дима был вторым сыном в семье — семнадцать лет, только-только начался первый курс экономического факультета. В этом возрасте мир будто распаивается настезь, и Дима встречал его с тем особенным азартом, который бывает, когда впереди — целая жизнь и столько всего хочется успеть. А экономика манила его не сухими правилами, а стройной логикой чисел: в цифрах он видел свой собственный порядок, свою истину.

Его волосы были темнее, чем у старшего брата, — глубокий каштановый оттенок. А глаза он унаследовал от матери: пронзительные, ярко-зелёные, они словно видели чуть больше, чем хотелось окружающим. Дима оказался самым высоким в семье и, несмотря на худобу, выглядел по-своему статно — в его осанке чувствовалась внутренняя собранность.

Характер у него был куда сложнее, чем у Лёши. Дима не умел сглаживать углы и терпеть не мог несправедливость — она задевала его до глубины души. Из-за этого в школьные годы родителям не раз приходилось бывать в кабинете директора: бесконечные драки случались не из-за вспыльчивости, а из-за упрямого желания встать на защиту слабого или отстаять правду, какой бы неудобной она ни была. При этом он оставался честным и порядочным — просто его порядочность не умещалась в рамки тихой вежливости.

И, конечно, тот, в кого влюбилась лучшая подруга Таня, — Никита, третий сын в семье. Он был старше Сони на два года и, пожалуй, самый бесшабашный из всех братьев.

Его светло-русые волосы вечно выглядели слегка растрёпанными — будто он только что вернулся с ветра или в спешке провёл по ним рукой. Глаза — холодные, как льдинки, — были точь-в-точь как у Сони, и в этом родственном сходстве таилась особая, почти неуловимая связь. А когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки, и эта соблазнительная улыбка будто обезоруживала всех вокруг.

Никита не мог похвастаться ростом старших братьев — его рост был 175 сантиметров, — но зато его телосложение вызывало восхищение. В нём не было ни грамма лишней худобы или нарочитой массивности: упругие мышцы, выточенные не в погоне за модой, а благодаря упорным тренировкам, говорили о силе и выносливости. Казалось, он с лёгкостью мог дать фору любому взрослому мужчине, годами добивавшемуся такого результата в спортзалах и фитнес-центрах.

Никита всё никак не мог нащупать свой путь — он находился в вечных поисках себя, и эта неугомность сквозила во всём. Спортивная гимнастика, хоккей — он загорался каждым новым увлечением, отдавался ему всей душой, а потом вдруг остывал и бросался навстречу чему-то ещё. Переломным стал пятый класс: он пошёл с другом на соревнования по карате — и будто что-то щёлкнуло внутри. С того дня карате прочно вошло в его жизнь, но и тут он не остановился на достигнутом: тяга пробовать новое по-прежнему гнала его вперёд. Так и метался между спортивными интересами, не в силах остановиться на чём-то одном.

Впрочем, эта неспособность сделать выбор касалась не только спорта. Шёл последний, одиннадцатый класс, а Никита по-прежнему не представлял, чем займётся дальше. Перед ним расстилалось множество дорог, и каждая манила по-своему — а может, пугала своей неопределённостью. Он будто нарочно оттягивал момент, когда придётся сказать твёрдое «да» чему-то одному.

При этом у него был свой особенный дар — располагать к себе людей. Ему всё сходило с рук не из-за вседозволенности, а благодаря этому редкому обаянию: стоило ему улыбнуться, и даже самые строгие взгляды смягчались. Даже драки — дело обычное для мальчишек — чаще всего обходили его стороной: стоило Никите заговорить, объяснить, пошутить, и напряжение рассеивалось, словно его и не было.

Соня на общем семейном фоне словно выпадала из картины — и, по её собственному мнению, не в лучшую сторону. Стоило только взглянуть на родных, и всё становилось очевидно: братья явно пошли в отца. Папа, высокий — пожалуй, лишь Дима мог с ним поспорить в росте, — отличался подтянутым, спортивным телосложением. Блондин с холодными стальными глазами, так похожими на взгляд Лёши, он будто нёс в себе отпечаток своей прошлой жизни.

Полжизни отец прослужил офицером, и это наложило на него особый отпечаток: безупречная армейская выправка, внутренняя собранность, строгая дисциплина — прежде всего по отношению к самому себе. Он неукоснительно следовал распорядку, жил по чёткому внутреннему уставу. Но эта строгость удивительным образом не касалась его любимой жены и детей: к ним он относился с безграничной теплотой, в них он души не чаял. А к Соне и вовсе был особенно неравнодушен — не мог отказать своей малышке ни в чём, и в его стальных глазах при взгляде на неё всегда загорался мягкий, особенный свет.

Мама же была настоящей красавицей — такой, что невольно замирало сердце. Густые каштановые локоны волнами ложились на плечи, изумрудно-зелёные глаза сияли живым блеском, а прямой нос и тонкие, изящные черты лица придавали её облику едва уловимую аристократичность.

Соня не раз думала: а вдруг её подменили в роддоме? Длинные русые волосы казались ей тусклыми, мышинового оттенка, а глаза — бесцветными, словно серые стекляшки. Она не разделяла всеобщего мнения о том, что её глаза похожи на глаза Никиты.

Плоская грудь, отсутствие изгибов — тело казалось ей ровным, как доска. Пухлые щёки, за которыми прятались ямочки, не вызывали у неё гордости — скорее, лишь раздражение.

Соня не была гением, как её братья: учёба давалась ей с трудом. И спортивной её тоже нельзя было назвать — физические упражнения не приносили радости, а успехи в них казались недостижимыми.

Глава 2

Вырвавшись из вороха мыслей о своей семье, Соня ласково посмотрела на Таню.

— Я буду рада, если вы начнёте встречаться. Если смогу чем-то помочь — ты можешь на меня положиться. Я всегда мечтала, чтобы мы смогли породниться.

Таня порывисто обняла подругу.

— Спасибо, Сонь, — выдохнула она, и в этом вздохе слышалась вся тяжесть долгих переживаний. — Хотя, если честно, думаю, что шансов у меня и нет вовсе.

Таня развернулась к зеркалу и окинула себя критическим взглядом. Рыжие непослушные локоны, едва доходящие до плеч, будто жили своей жизнью. Янтарные глаза, яркие, но, как ей казалось, слишком «кричащие», и россыпь веснушек, покрывавшая лицо и шею. Таня знала: она весит килограммов на пятнадцать больше, чем её одноклассницы, — и каждый раз, вспоминая об этом, чувствовала, как внутри сжимается что-то горькое и колющее.

Она грустно вздохнула, и в этом звуке было столько неуверенности, что Соня невольно шагнула ближе, будто хотела заслонить подругу от её собственных мыслей.

— Ты чего, Тань? Ты красивая! У тебя такие глаза и волосы — ты яркая, словно солнце! — горячо запротестовала Соня. Она искренне удивилась поведению подруги: Таня всегда держалась так уверенно, никому не позволяла себя задевать. Если надо — могла и за себя постоять, и за того, кому некому заступиться. В её характере была эта внутренняя твёрдость, которая не терпела несправедливости. И видеть сейчас, как она сама себя принижает, было для Сони непривычно и даже немного больно.

— Ох, мы столько времени на это потратили... — Таня поспешно перевела тему, будто хотела стряхнуть с себя тягостные мысли. — Иди переодевайся в пижаму, а я пока принесу закуски.

Соня озадаченно кивнула и, всё ещё немного сбитая с толку, неуверенно пошла в сторону ванной. В её движениях сквозила лёгкая растерянность — она чувствовала, что Таня нарочно уходит от разговора, но не знала, стоит ли настаивать или лучше просто дать подруге передышку.

Выйдя из ванной, Соня вновь опешила, поражённая тем размахом, с которым Таня всё обустроила. Огромная кровать была укрыта пушистым розовым пледом, на ней уютно разместились россыпь маленьких подушек и поднос с закусками и ягодами. На тумбочке выстроились несколько коробок пиццы, напитки и баночка любимого фисташкового мороженого Сони.

Таня уже сидела на кровати, поджав ноги под себя, словно султанша на троне, и старательно разглаживала маску по лицу.

— Тань, это точно на нас двоих? — с сомнением спросила Соня, обводя взглядом изобилие угощений. — Или к нам ещё человек пять присоединятся?

— Что? Не говори глупостей, — отмахнулась Таня и похлопала по свободной стороне кровати. — Скорее садись сюда. Держи, — она протянула Соне невероятно дорогую маску для лица.

Соня присела на кровать, повторив позу подруги, и взяла маску.

— Обязательно было так тратиться? — недовольно пробурчала она, хотя в глубине души ей было приятно. Всё это изобилие немного смущало — словно она не заслужила такой заботы.

— Да я особо и не тратилась, — небрежно ответила Таня, жуя чипсинку.

Впрочем, стоило уточнить: хоть семья Громовых и не испытывала финансовых трудностей — после выхода на пенсию глава семейства открыл свой бизнес, который приносил неплохую прибыль, — семья Баяриновых находилась совсем на другом уровне. Их считали местными магнатами, и потому представление о «дорогом» и «дешёвом» у Тани было весьма

размытым. Для неё эта щедрость казалась обыденностью, тогда как для Сони — почти роскошью.

Включив фильм, девочки почти не разговаривали: он оказался по-настоящему захватывающим и смешным — они смеялись до слёз, забывая обо всём на свете. Очнувшись лишь тогда, когда на экране поползли титры.

— Сонь, расскажи мне что-нибудь интересное про Никиту, — с надеждой попросила Таня, чуть наклонившись вперёд, будто боялась спугнуть момент.

Соня едва не подавилась мороженым. Хотя она и любила братьев, петать им дифирамбы или даже просто подолгу о них рассуждать было выше её сил. Она на секунду замерла, подбирая слова, в которых не было бы ни восторга, ни раздражения — просто что-то настоящее, без прикрас.

— Ну... ему нравятся английский и математика, любит гонять на байке. В последнее время всерьёз увлёкся скалолазанием. Ещё занимается дзюдо — скоро поедет на соревнования. Вроде и всё... — Соня пожала плечами, будто сама чувствовала, что перечисляет сухие факты, которые ничего не рассказывают о человеке.

— Сонь, ну мне не нужны общеизвестные вещи, — вздохнула Таня, слегка закатив глаза. — Я и так всё это знаю, я же часто к вам в гости прихожу. Расскажи про другое: какие девушки ему нравятся? Встречается ли он сейчас с кем-нибудь? Или с кем встречался раньше?

Соня на мгновение замерла, будто взвешивая, стоит ли лезть в эту территорию. Она знала брата, но не была уверена, имеет ли право раскрывать его тайны — даже в таком, казалось бы, невинном девичьем разговоре.

— Девушки... — задумчиво повторила Соня, будто пробуя слово на вкус. — У него много знакомых «девушек». Все такие красивые — словно куклы с витрины. Но я не уверена, что они для него что-то значат... Может, просто знакомые.

Она на секунду замолчала, подбирая слова, чтобы не выдать лишнего и в то же время не обмануть подругу.

— Во всяком случае, домой он никого не приводил и меня ни с кем не знакомил. Так что... не знаю, есть ли там что-то серьёзное. Или вообще хоть что-то.

Таня устало потёрла виски. Да, «куклы» — примерно об этом она и думала всё это время. Ну не могла она понравиться кому-то вроде Никиты Громова. И дело было даже не в его потрясающей внешности — в ней Таня видела что-то недостижимое, как у героя из фильма, до которого не дотянуться.

Она часто бывала в доме подруги, и Громовы всегда принимали её как родную. Все братья Сони относились к ней хорошо, но Никита... Он был другим. Всегда слушал её так, будто она рассказывала что-то по-настоящему важное. Интересовался её мнением, когда за столом разгорались шуточные семейные споры. Даже в школе, когда Таня пыталась пройти мимо, сделав вид, что они не знакомы, он окликал её, подбегал поздороваться — будто ему правда было приятно её видеть. А однажды он подвёз её на своём байке до дома — о таком Таня и мечтать не смела. В тот вечер она шла по тропинке к подъезду и всё оглядывалась, будто хотела удерживать этот момент подольше.

— А давай сходим в клуб? — с вызовом бросила Таня, будто сама себе доказывая, что может быть смелой.

— В клуб? — неуверенно переспросила Соня. Идея ей совсем не нравилась. Она нахмурилась, теребя край футболки. — Нам даже пятнадцати нет — кто нас туда пустит? Да и маме я пообещала, что мы будем дома, — жалобно простонала она, словно эта клятва была не просто словами, а чем-то очень важным, что нельзя нарушить.

— Да брось, ну какая настоящая ночёвка без хоть какой-нибудь вылазки? — настаивала Таня, в её голосе звенела азартная искра, будто сама мысль о маленьком приключении уже делала вечер особенным.

— Да что мы там делать будем? — раздражённо уточнила Соня, невольно кутаясь в плед, словно он мог защитить её от неугасающего энтузиазма подруги. Её пугала сама перспектива оказаться в шумном месте, где все вокруг будут двигаться в ритме музыки, а она — чувствовать себя не на своём месте. — Я и танцевать-то не люблю... Мне и тут хорошо: фильм, мороженое, тишина. Зачем куда-то тащиться?

-Соня, ну не будь такую скучной, умоляюще проворчала подруга. Мне это нужно. И ты же любишь приключения?

-Да, приключения, но не это же..-пыталась протестовать до последнего Соня.

В дверь постучали. Девочки вздрогнули, будто их застали за подготовкой к какому-то дерзкому преступлению. В проём заглянула мама Тани — Марина Николаевна.

— Девочки, давайте закругляться, время почти одиннадцать, — спокойно, но твёрдо сказала она.

— Ладно, мам! — Таня вскочила с постели и чуть ли не подталкивала маму к выходу, стараясь поскорее завершить этот разговор. — Мы уже всё, честно!

— Спокойной ночи, девочки.

— Спокойной ночи, мам!

— Спокойной ночи, Марина Николаевна!

Едва дверь захлопнулась, Таня метнулась в гардеробную и принялась яростно рыться в вещах, вытаскивая одну вещь за другой и тут же отбрасывая в сторону.

— Соня, иди сюда! — позвала она подругу, голос звенел от внезапного воодушевления, будто в куче одежды она вот-вот отыщет ключ к какому-то невероятному плану.

— Таня, я всё ещё думаю, что это плохая идея, — продолжала ворчать Соня, но всё же зашла в гардеробную и не смогла удержаться — с любопытством оглядела кучу брендовых вещей, которые переливались тканями и фактурами, словно витрина модного бутика.

— Сонь, мы всего на часик, просто зайдём, развеемся немного, обещаю! — клятвенно сложив руки, заверила Таня, и в её глазах плясали озорные огоньки, будто она уже видела, как этот маленький побег превратит вечер в приключение.

— Ладно, уговорила, — Соня подняла руки в шутливом жесте капитуляции. — Но сначала я маме наберу, скажу, что мы собираемся спать.

Она на секунду замолчала, и в её взгляде мелькнуло сомнение, которое никак не хотело исчезать.

— Тань, а как мы вообще выберемся, чтобы твои родители не заметили? Да и в клуб нас разве пустят? По нам же сразу видно, что восемнадцати нет.

— Не волнуйся, я живу на первом этаже — предлагаю осуществить наш побег через окно! — Таня заговорщически подмигнула, будто речь шла не о рискованной затее, а о самой обыденной вещи на свете.

— А клуб? Я тебя умоляю, дам денег, — махнула она рукой с такой небрежной уверенностью, словно пара купюр могла запросто распахнуть перед ними любые двери.

Глава 3

— Ай! — девочки потирали ушибленные места. Выбраться из окна на первом этаже на словах казалось делом простым, а на деле обернулось целым испытанием: подоконник оказался неожиданно высоким, а спуск — куда менее удобным, чем представлялось.

— Первая часть плана успешно выполнена! — со смехом почти прокричала Таня, размахивая руками, будто отмечала маленькую победу.

Соня улыбнулась подруге — и вдруг почувствовала, как в груди шевельнулось что-то новое: не просто волнение, а настоящее предвкушение. Её и правда начало захватывать это нелепое, рискованное приключение. Даже боль от ушибов будто отступила на задний план, уступив место азарту.

— Я слышала, как одиннадцатиклассницы болтали про новый клуб «Атриум». Там даже звёзды выступают! Правда, идти придётся далеко... Предлагаю заказать такси, — Таня говорила быстро, будто боялась, что если сделает паузу, то магия момента рассеется.

Соня молча кивнула, и в этом кивке было больше, чем простое согласие: в нём сквозило робкое принятие авантюры, смешанное с трепетом перед тем, что ждало впереди. Она уже не спорила, не искала поводов отказаться — будто сама судьба подталкивала её шагнуть за привычную черту.

Выйдя из такси, девочки замерли, восхищённо оглядываясь по сторонам: клуб и правда оказался великолепным. Огромное здание переливалось огнями — яркие вспышки света скользили по фасаду, будто танцевали в такт музыке. Даже издали доносился пульсирующий ритм — чёткий, манящий, обещающий ночь, полную впечатлений.

Вокруг толпились молодые люди и парочки; кто-то смеялся, кто-то увлечённо что-то обсуждал, а некоторые, не стесняясь, целовались почти у самого входа. Подруги смущённо отвели глаза, чувствуя себя одновременно зачарованными этой атмосферой и немного не в своей тарелке — будто они заглянули в какой-то другой, взрослый мир, где всё было чуть громче, ярче и смелее, чем они привыкли.

Таня крепко взяла Соню за руку и потянула её к входу, будто боялась, что подруга в последний момент развернётся и убежит. Подойдя вплотную к охраннику, Таня судорожно вздохнула, собираясь с духом, — казалось, этот спокойный, невозмутимый мужчина сейчас одним взглядом раскроет их обман.

Охранник стоял, не выражая ровным счётом никаких эмоций: ни улыбки, ни раздражения — просто смотрел вперёд, будто девочки были лишь частью бесконечного потока людей, проходящих мимо.

Неподалёку входила стройная белокурая девушка — она звонко рассмеялась, проходя мимо подруг, и этот лёгкий, беззаботный смех прозвучал для Сони и Тани почти как насмешка. Девочки невольно сжались, чувствуя себя здесь лишними, слишком юными и неловкими посреди всей этой сверкающей, шумной жизни.

К охраннику лёгкой, почти танцующей походкой подошла девушка — и весь мир будто на секунду замер, чтобы полюбоваться ею. Русые волосы с тёплым медным отливом мягко обрамляли её миниатюрное лицо, подчёркивая выразительные глаза и ту самую улыбку, в которой таилась едва уловимая дерзость. Фигура была безупречной — такой позавидовала бы любая модель. В руках она держала какой-то список, но держала его небрежно, словно он не имел никакого значения.

Наклонившись, девушка что-то тихо прошептала охраннику, а потом медленно, нарочито неторопливо окинула взглядом Соню и Таню. Её взгляд был цепким, оценивающим — будто она считывала каждую деталь, каждую неловкость. Девочки невольно съёжились под этим при-

стальным осмотром. Им вдруг показалось, что они выглядят до нелепости неуместно в этом сверкающем мире.

На Тане было чёрное платье, больше напоминавшее балахон: она надела его, чтобы скрыть живот и, как ей казалось, слишком массивные бёдра. Белые кеды на ногах только усиливали этот странный контраст, а чересчур яркий макияж, который она так старательно накладывала, теперь выглядел кричащим и совсем ей не шёл.

Соня выбрала комбинезон цвета фуксии — единственную вещь, которая хоть как-то сидела по фигуре. На ногах тоже были белые кеды. А её макияж сводился к стрелкам — но нарисованы они были так неуверенно, что только подчёркивали её смущение, придавая лицу чуть перекошенное, растерянное выражение.

Девушка вдруг улыбнулась — и в этой улыбке не было ни капли надменности, лишь лёгкая, почти добрая ирония. Она мягко взяла обеих девочек под руки и повела вниз по ступенькам, словно оберегая от суеты и шума клуба.

— Так, юные леди, — усмехнулась незнакомка, останавливаясь у подножия лестницы. — Я администратор этого клуба. И, честно говоря, думаю, что вам обоим давно пора быть дома, в своих кроватях. Если нужно, вызову вам такси. Или, может, родителям позвонить?

Девочки отчаянно замахали головами, будто одним этим движением могли отогнать саму мысль о звонке родителям.

— Н-нет, не надо родителям... Мы уже пойдём, — тихо, почти шёпотом ответила Соня, и в её голосе прозвучала не бравада, а внезапная усталость — будто весь азарт и кураж разом испарились, оставив после себя только неловкость и понимание, что они и правда зашли слишком далеко.

— Вот, такси заказали, — пробормотала Таня, показывая экран телефона администратору.

Девушка довольно кивнула, на миг задержав на девочках тёплый, чуть снисходительный взгляд — будто хотела убедиться, что они и правда собираются уехать, а не передумают в последнюю секунду. Потом она чуть улыбнулась, словно прощая им эту маленькую авантюру, и повернулась, чтобы пойти обратно к клубу — туда, где пульсировал свет, гремела музыка и кипела взрослая жизнь, которая сегодня оказалась не по размеру двум юным мечтательницам.

— Пойдём, — устало сказала Таня, будто последние крупинки энергии уходили даже на то, чтобы выговаривать слова. — Такси остановилось не там, где надо. Придётся немного пройти — по карте выходит, что оно где-то за углом.

Подруги завернули за угол — и будто попали в другой мир. В сквере стояла какая-то пугающая тишина: ни смеха, ни шагов, ни даже далёкого гула города. Только ветер шелестел в листве, да по асфальту перекатывался мелкий мусор, словно сквер давно забыли и перестали замечать.

— Нам туда, — прокашлявшись, сказала Таня, хмуро сверяясь с картой и тыча пальцем в темноту, где не было видно ни огонька, ни силуэта машины — только густая, непроглядная тень.

Соня неуверенно взглядела в ту сторону, но различала лишь смутные очертания деревьев, сливающихся с ночью. Сердце у неё ёкнуло: в этой темноте всё казалось чужим и немного враждебным. Она невольно придвинулась чуть ближе к Тане, будто рядом с подругой ночь становилась чуть менее страшной.

Не успели девочки пройти и пары шагов, как откуда-то справа донёсся резкий свист, а следом — одобрительный, но отчего-то особенно противный смех.

— Смотрите-ка, какие гости к нам пожаловали, — усмехнулся самый высокий из троих парней; все они явно были подвыпившими, на вид — лет по двадцать.

— Сколько за час? — пробасил второй, хохотнув над собственной шуткой. Остальные двое тут же разразились громким, скрипучим смехом, от которого по коже бежали мурашки.

Отхлебнув из бутылки, самый высокий парень медленно двинулся в сторону девочек, нарочно растягивая шаг, будто хотел дать им прочувствовать каждый миг нарастающего ужаса.

Соня и Таня застыли, словно вросли в асфальт. Мышцы будто онемели, и ни одна из них не могла заставить себя хотя бы шевельнуться. Время словно растянулось, стало тягучим и липким.

В голове у Сони бешено прокручивалась одна и та же мысль: успеют ли они добежать назад до клуба? Дорога туда заняла не больше шести минут, а если мчаться изо всех сил — и вовсе три... Но отпустят ли их эти мерзкие парни? Или эта темнота, эта тишина сквера навсегда скроет то, что здесь произойдёт? Сердце колотилось где-то у самого горла, перекрывая дыхание, а мир сузился до тяжёлых шагов, приближающихся с пугающей неотвратимостью.

Пока Соня лихорадочно пыталась сообразить, что делать, в ушах вдруг зазвенело так, будто внутри черепа взорвался беззвучный крик. В следующее мгновение она поняла: парень, который подходил к ним, схватил Таню и теперь пытался задрать её платье.

Из глаз Сони покатались слёзы — горячие, бессильные, они стекали по щекам, но она даже не замечала их. Двое других парней медленно приближались к ней, на их лицах застыли мерзкие, самодовольные усмешки. Мир вокруг будто раскололся: звуки стали резкими и чужими, запахи — острее, а каждая секунда растягивалась в бесконечность. Соня чувствовала, как земля уходит из-под ног, а паника, тяжёлая и удушающая, сковывает грудь, не давая ни вздохнуть, ни закричать.

Соня обессиленно закрыла глаза, уже не надеясь ни на чью-то помощь, ни на чудо — просто отчаянно желая, чтобы всё это закончилось как можно скорее. Секунды тянулись, словно вечность, каждая из них впивалась в сознание острой, невыносимой болью.

Вдруг сквозь гул в ушах прорвались резкие, громкие звуки — тяжёлые удары, хриплые выкрики, возмущённые голоса. Казалось, где-то совсем рядом завязалась отчаянная драка. Соня распахнула глаза и сквозь пелену слёз различила смутно знакомый силуэт: кто-то яростно отбивался от троих нападавших, не давая им ни шанса. Движения были резкими, собранными, будто человек знал, что делает, и не собирался отступать.

Таня сидела на асфальте, сжавшись в комок, и тихо плакала, вздрагивая от каждого звука. Соня бросилась к ней и крепко, до дрожи, обняла, будто хотела своим теплом отогнать весь тот ужас, что только что накрыл их с головой.

— Сонь, ты как? Он же не успел ничего... — Соня на мгновение запнулась, боясь даже произнести дальше, но ей нужно было услышать ответ, убедиться, что самое страшное миновало.

— Н...нет, — прошептала Таня сквозь рыдания, уткнувшись Соне в плечо, и её голос дрожал, но в нём уже слышалось не только отчаяние — там была и слабая, едва уловимая надежда на то, что кошмар действительно остался позади.

Подруги прижались к друг другу, снова услышав приближающие шаги. Соня подняла взгляд и с облегчением отметила, что трое парней валяются на асфальте.

— Соня? — прозвучал мягкий, бархатный баритон.

Соня вглядывалась в красивое, чуть раскрасневшееся от схватки лицо спасителя, но никак не могла вспомнить, где видела его раньше. В голове всё путалось, а перед глазами до сих пор стояла та страшная сцена — она никак не могла стряхнуть с себя липкий ужас. Таня по-прежнему всхлипывала, прижавшись к Соне, её плечи вздрагивали от рыданий.

— Не узнала? — в голосе Кирилла прозвучала лёгкая обида, будто ему было немного горько, что она не вспомнила его сразу. — Я в соседнем доме живу, наискосок от вашего. Кирилл Пономарёв. Мы с Ником вместе скалолазанием занимаемся. Да и в школу с тобой ходим — только я в параллельном классе, — он чуть улыбнулся, стараясь хоть немного сгла-

диль напряжение, и в этой улыбке было столько тепла, что у Сони внутри что-то тихо дрогнуло, понемногу отпуская сковавший её страх.

Глава 4

— Да, помню... Прости. Я так испугалась, что совсем ничего не соображаю, — тихо говорила Соня, и в её голосе дрожала не только усталость, но и стыд за свою растерянность. — Можешь проводить нас до такси? Пожалуйста... — в этом «пожалуйста» была вся её надежда, хрупкая и беззащитная.

— Конечно, — спокойно ответил Кирилл и, не дожидаясь, мягко помог девочкам подняться. Его руки были твёрдыми и надёжными, и от этого простого жеста страх понемногу начал отступать.

— И... можешь, пожалуйста, ничего не говорить родителям и братьям? — проямлила Соня, опустив глаза, будто боялась увидеть в его взгляде осуждение.

— Сомневаюсь, что это возможно, — ответил Кирилл по-доброму, но твёрдо, без лишней строгости, но и без намёка на уступку.

Соня тут же опустила взгляд, чувствуя, как внутри всё сжимается от беспомощности.

— Что вы вообще здесь забыли? Район не самый хороший, да и время — почти час ночи... — негромко, но с явным беспокойством пробурчал Кирилл.

От этих слов Соня вдруг вспыхнула — не от страха, а от злости. Ей было достаточно нравоучений, и этот тон, пусть и заботливый, резанул по оголённым нервам. Он ей даже не брат, не отец — кто он такой, чтобы её отчитывать?

— Ну, а сам-то ты что здесь делаешь? — выпалила она с вызовом, вскинув голову.

Кирилл даже слегка опешил от такого резкого поворота — будто не ожидал, что из напуганной, дрожащей девочки вдруг прорвётся эта упрямая искра.

— Тренировка закончилась поздно, вот и решил у бабушки остаться — от зала до неё ближе. А сейчас выбежал в круглосуточный за соком... — он чуть запнулся, будто сам чувствовал, насколько нелепо это звучит сейчас, посреди всей этой темноты и тревоги.

Соня покраснела, а потом, невольно оглянувшись, заметила на асфальте разбитую бутылку сока — осколки поблескивали в тусклом свете фонаря. От этого мелкого, случайного штриха стыд вдруг накрыл её с головой: из-за их нелепой авантюры, из-за всей этой ночи, полной ошибок, теперь ещё и это — разбитый сок, как символ того, насколько всё пошло не так.

— Прости... Я не имею права тебя отчитывать, — тихо произнесла Соня, и в её голосе прозвучало искреннее раскаяние. — И спасибо, что оказался рядом. Без тебя... всё могло закончиться совсем иначе.

Кирилл задумчиво кивнул, будто взвешивал каждое слово, прежде чем его произнести.

— Не буду говорить родителям, — наконец сказал он, глядя Соне прямо в глаза, чтобы она почувствовала: он действительно это обещает. — Но Нику скажу. Мы с ним сдружились, и я не могу скрывать такое. Вам могла грозить реальная опасность — он должен знать.

— Хорошо, — устало согласилась Соня, уже не находя в себе сил спорить. В этот момент ей просто хотелось, чтобы эта бесконечная ночь наконец закончилась.

Кирилл бережно усадил девочек в такси, задержав ладонь на двери, словно ещё не был готов отпустить их одних.

— Может, мне с вами поехать? — с тихой, почти трепетной заботой уточнил он.

— Н-нет, всё в порядке, — быстро ответила Соня, чуть поспешнее, чем следовало бы, будто боялась, что если замешкается, то снова расплачется. — Дальше мы сами.

— Ты уверена? — с сомнением переспросил Кирилл, вглядываясь в её лицо, будто пытался прочесть там правду, спрятанную за маской спокойствия.

— Да, — уже твёрже ответила Соня, стараясь вложить в это слово всю ту храбрость, которую ей сейчас так не хватало. — Там мы уже будем в порядке.

Он ещё секунду помедлил, потом медленно закрыл дверь, отступил на шаг и стоял так, пока такси не тронулось с места. И даже когда машина скрылась за поворотом, ему всё ещё казалось, что он должен был сделать больше, защитить их надёжнее, не отпускать вот так — в темноту, где опасность могла притаиться за любым углом.

Девочки потом не могли вспомнить, как пробрались обратно в квартиру, как раздевались, как стояли под струями душа — всё слилось в одну размытую, серую пелену, сквозь которую едва пробивались отдельные обрывки ощущений: холод кафеля, шум воды, тяжесть собственных рук.

Таня отключилась мгновенно — едва её голова коснулась подушки, дыхание стало ровным, и она провалилась в глубокий, спасительный сон, будто тело само решило стереть этот вечер из памяти.

А Соня почти до самого утра не могла сомкнуть глаз. Она лежала, уставившись в темноту, и мысли кружились в голове, не давая ни секунды покоя. В первую очередь — о Кирилле. О том, как он появился из ниоткуда, будто сама судьба подбросила его в ту самую секунду, когда надежда уже почти угасла. О его твёрдом голосе, о том, как уверенно он шагнул навстречу опасности, не раздумывая. И ещё — о том, как в его взгляде не было ни капли осуждения, только тревога и желание помочь.

Соня с тревогой ожидала приезда братьев и отца. Прошло уже три дня с той ночи, а ощущение надвигающейся грозы не отпускало — оно висело в воздухе, тяжёлое и неотвратимое, как перед грозой. Соня прекрасно понимала: если Кирилл расскажет Никите, остальные братья тут же обо всём узнают.

Она вздрогнула, услышав с первого этажа радостные возгласы и смех. Звуки были привычными, родными — но сейчас они почему-то резанули по нервам. Братья вернулись, дом наполнился их голосами, топотом, какой-то весёлой суетой... А Соня всё так же сидела, застывшая, будто приклеенная к месту, и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугий узел. Ей хотелось одновременно и броситься к ним, уткнуться кому-нибудь в плечо и рассказать всё до последней детали — и в то же время спрятаться, исчезнуть, чтобы ещё хоть немного побыть в этой обманчивой тишине, где никто ничего не знал.

Соня медленно спустилась по лестнице и неуверенно заглянула в гостиную. Там царил привычная, до боли родная суета: братья оживлённо делились весёлыми историями с похода, перебивая друг друга, подшучивали, смеялись — в воздухе витал тот самый беззаботный дух, который всегда наполнял дом, когда вся семья собиралась вместе.

— Мышка! — окликнул её папа и раскинул руки для объятий.

Родные часто звали её Мышкой — в их понимании это было что-то трогательное, милое. Сама Соня никогда не видела в этом ничего очаровательного и обычно не упускала случая горячо и обстоятельно высказать всё, что думает об этом «ужасном» прозвище.

Но сейчас она, не раздумывая, бросилась к папе, уткнулась лицом в его плечо и крепко обхватила руками, словно только в этих объятиях могла наконец почувствовать себя в безопасности.

Все удивлённо переглянулись — такой порывистой и уязвимой Соню видели нечасто.

— Соф, ты в порядке? — с тревогой спросил Лёша, в его голосе прозвучала та самая братская настороженность, которая всегда появлялась, стоило Соне хоть немного выйти из своей обычной дерзкой роли.

Соня чуть отстранилась от папы и обвела взглядом родных. У всех было на удивление хорошее настроение: Ник с Димой, как обычно, перебрасывались колкими замечаниями, но в этой привычной пикировке не было злости — только привычное, почти нежное подтрунивание.

«Не сказал», — мысль пронеслась в голове, лёгкая и одновременно тяжёлая, будто с плеч свалился невидимый груз. Кирилл сдержал слово — по крайней мере, пока.

— Да, всё хорошо, — ответила Соня и тут же кинулась в объятия Лёши, почти повиснув на нём. — Я просто очень скучала... Вас не было почти четыре дня! — проговорила она, и в её голосе дрожали сразу и радость, и обида, и облегчение — вся та смесь чувств, которую она так старательно прятала последние дни.

Лёша потрепал её по волосам.

— Я весь в пыли, сначала в душ хочу, а потом — хоть слона съем, так голоден! — со смехом пророкотал он, и в этом его громогласном веселье было столько жизни, столько привычной, надёжной обыденности, что Соня на секунду даже забыла, как тяжело сжималось её сердце последние дни.

Наталья Александровна улыбнулась, обводя взглядом своих детей — каждого по очереди, будто проверяя, все ли на месте, все ли целы. В её глазах светилась тихая, тёплая радость от того, что дом снова полон голосов, что все вернулись.

— Уже почти всё готово. Идите, приведите себя в порядок — и будем садиться за стол, — мягко сказала она.

— Мам, я выйду ненадолго. Друг подошёл — надо кое-что ему передать, да и он что-то срочное хотел сказать, — с обворожительной улыбкой произнёс Никита и подмигнул матери, словно хотел этим лёгким жестом развеять любые возможные сомнения.

— Иди уже, — рассмеялась мама, махнув рукой. — Только недолго!

Соня застыла на месте, будто чьи-то невидимые руки вжали её в пол. Мысли закружились вихрем, сбивая дыхание: почему именно сейчас? Почему, когда ей так отчаянно хотелось, чтобы этот вечер был обычным, чтобы всё шло по привычному, спокойному кругу, Никита вдруг собрался уходить? В этом совпадении ей чудилась какая-то зловещая неизбежность — будто вот-вот рухнет хрупкая иллюзия безопасности, которую она так старательно выстраивала последние дни.

Не в силах больше стоять под этим уютным, ничего не подозревающим взглядом мамы, Соня резко развернулась и, почти не чувствуя ног, вбежала в свою комнату. Щёлкнул замок — короткий, сухой звук, который вдруг прозвучал в тишине как сигнал тревоги. Она прислонилась спиной к двери, закрыла глаза и попыталась унять бешено колотящееся сердце. Ей нужно было хоть несколько минут тишины — просто чтобы снова научиться дышать.

Глава 5

Соня скучающе уставилась на доску, будто надеялась, что уравнение само собой сложится в понятный узор. Она силилась ухватить суть, но математика всегда оставалась для неё загадочной, упрямой страной, чьи законы ей никак не удавалось постичь.

Прошёл ровно месяц с той ночной вылазки с Таней, и сегодня заканчивался её домашний арест. Наконец-то можно было снова выходить куда угодно — не только в школу и в магазин. Ох, и досталось же ей от братьев, когда история всё-таки всплыла! Они устроили ей такой разнос, что Соня ещё долго чувствовала, как горят щёки от стыда. Хорошо хоть родителям ничего не рассказали: такого позора она бы точно не пережила.

Единственной отдушиной в эти долгие недели стал Кирилл. Братя, к удивлению Сони, прониклись к нему доверием — и ей разрешили гулять с ним. Они бродили по парку, ходили в кино и в кафе, и с каждым разом Соня всё отчётливее чувствовала: она нравится Кириллу. И, что было едва ли не важнее, он нравился ей — по-настоящему, без прикрас.

Таня покосилась на подругу и едва сдержала улыбку: Соня сидела красная, как помидор, и даже не замечала этого.

— Не можешь решить? — с искренним участием спросила Таня, наклоняясь ближе.

— А... что? Да-да, не понимаю ничего, — Соня обречённо вздохнула, будто сдавалась перед лицом непобедимого врага. — Как эти цифры и буквы вообще должны привести к какому-то решению? Это же какая-то магия, а не математика...

— Давай я объясню, — предложила Таня и подвинула к ней свою тетрадь, раскрытую на аккуратно записанных шагах решения. — Смотри, тут на самом деле всё не так страшно, если разложить по полочкам.

На перемене Соня и Таня вышли во двор — подышать свежим воздухом, стряхнуть с себя школьную суету и хоть немного освежиться. Ветер играл с прядями волос, а Соня, покусывая губу, снова и снова прокручивала в голове мысли о Кирилле. Как быть дальше? Какой должен быть следующий шаг? Она догадывалась о его чувствах — в его взглядах, в том, как он старался оказаться рядом, в этой тихой, почти незаметной заботе читалось больше, чем любые слова. Но говорить об этом напрямую? Нет, это казалось невыносимым. Да и признаваться первой она точно не собиралась. Это была её первая влюблённость — нежная, неловкая, пугающе хрупкая, — и всё это невероятно смущало. Ей хотелось одновременно и кричать о своих чувствах, и спрятаться от них куда-нибудь подальше.

Таня уставилась на подругу, в её взгляде читался немой вопрос, смешанный с лёгким раздражением.

— Что? — заметив этот пристальный взгляд, встрепенулась Соня, будто выныривая из своих мыслей.

— Ты вообще меня слушаешь? — вздохнула Таня, слегка закатив глаза. — Я предлагаю пойти на баскетбольный матч. Там завтра старшеклассники играют.

— И что? — равнодушно бросила Соня, снова уплывая мыслями к Кириллу.

— Да я тебе уже десять минут пытаюсь втолковать: там завтра будет твой брат Никита! — с чувством объяснила Таня, будто это должно было стать решающим аргументом.

— Я его и дома достаточно вижу, — скривилась Соня, невольно поморщившись, как от чего-то надоевшего. — Иди одна, если хочешь.

Таня вымученно нашарила телефон на тумбочке. Кто вообще додумался звонить почти в полночь? А ей снился такой чудесный сон — яркий, тёплый, будто всё в нём было правильным и лёгким... В нём они были с Никитой, и мир казался простым и добрым. Таня зажмурилась, пытаясь удержать ускользающие обрывки сновидения, но назойливый звонок безжалостно рвал эту хрупкую картинку.

— Алло, — пробурчала она сонным, недовольным голосом, в котором сквозило всё её раздражение.

— Таня, ты не спишь? — в трубке раздался взволнованный голос Сони — такой бодрый, будто она и не собиралась спать вовсе.

— Уже нет, — нахмурившись, раздражённо бросила Таня, потирая сонные глаза и чувствуя, как приятное тепло сна окончательно утекает сквозь пальцы.

— Прости... Я просто хотела узнать: ты идёшь на завтрашний матч? Я хочу... то есть я пойду с тобой, — торопливо проговорила Соня, будто боялась, что если сделает паузу, то смелость тут же её покинет.

Таня отстранила телефон и ещё раз проверила контакт, словно надеялась, что экран вдруг покажет кого-то другого, а не ту самую подругу, которая обычно не теряла самообладания даже в самых безумных ситуациях.

— Соня, ты звонишь мне в двенадцать ночи, чтобы сказать об этом? — спросила она с нажимом, и в её голосе помимо усталости проскользнула обида. В последнее время Соня вела себя странно: замыкалась в себе, уходила от разговоров, прятала глаза, когда Таня пыталась хоть что-то выведать. А ведь Таня делилась с ней всем — даже о своей влюблённости рассказала первой, доверяя как никому другому. И теперь это молчание резало куда сильнее любых слов.

— Давай завтра поговорим, ладно? В субботу встретимся пораньше, посидим в кафе перед матчем, — затараторила Соня, будто хотела одним потоком слов смыть неловкость этого позднего звонка.

— Хорошо, — коротко ответила Таня, чувствуя, как внутри всё ещё шевелится это неприятное чувство — смесь усталости, обиды и тревоги за подругу. Она нажала кнопку сброса и положила телефон обратно на тумбочку, уставившись в темноту комнаты. Сон окончательно растаял.

Соня зашла в кафе, и её сразу окутало уютное тепло: помещение было мило украшено живыми цветами, их лёгкий, едва уловимый аромат смешивался с запахом свежего кофе. Она невольно подумала, как здорово было бы прийти сюда с Кириллом — сидеть напротив, болтать ни о чём и улыбаться друг другу, пока за окном медленно опускается вечер.

Заметив Таню, которая сидела за столиком у окна, Соня поспешила к ней. Плюхнувшись в мягкое кресло, она широко улыбнулась, будто хотела этой улыбкой разом стереть всё напряжение, что повисло между ними в последние дни.

Но Таня не ответила на эту улыбку. Её взгляд оставался отстранённым, а плечи чуть ссутулились, словно на них легла невидимая тяжесть. Даже мысль о том, что сегодня она увидит Никиту, увидит, как он играет, не зажигала в ней прежнего восторга. Всё это меркло перед другим — перед ощущением, что между ней и Соней теперь есть какая-то стена, сложенная из недоговорённостей и тайн. И эта стена ранила куда сильнее, чем любой прямой конфликт.

— Тань, прости за тот поздний звонок... — протянув руку через стол, жалобным голосом начала Соня, в её глазах читалась искренняя просьба о прощении, желание вернуть ту лёгкость, что была между ними раньше.

— Я не из-за этого злюсь, — отведя взгляд и чуть отстранившись, тихо, но твёрдо ответила Таня, не принимая протянутой руки. В её голосе не было злости — только обида, тихая и горькая, от того, что подруга перестала делиться самым важным.

— Ты права, — тихо пробормотала Соня, опустив взгляд, будто боялась, что в её глазах Таня сразу прочтает всю ту путаницу чувств, которую она так долго прятала. — Я должна была сразу с тобой поделиться. Просто... понимаешь, я сама была ни в чём не уверена. Всё это казалось таким хрупким, будто если скажу вслух — оно рассыплется.

Она сделала короткую паузу, сжала в пальцах край скатерти, собираясь с духом, а потом выпалила на одном дыхании:

— Помнишь того парня, что помог нам той ночью? Мы с ним всё это время общались — весь мой домашний арест. Каждый день переписывались, потом гуляли... И я... я думаю, что он мне нравится. Очень сильно нравится, понимаешь, Тань? — в её голосе дрожали одновременно и радость, и страх — страх быть непонятой, страх, что её чувства покажутся нелепыми или слишком поспешными.

Соня чуть запнулась, подбирая слова, и продолжила чуть тише:

— А вчера брат случайно обронил, что Кирилла взяли на замену заболевшему игроку. И я так захотела его увидеть... Просто стоять там, среди зрителей, и знать, что он там, на площадке, что я могу на него посмотреть. Но теперь я не знаю, что делать дальше. Как сделать так, чтобы наши встречи не закончились, чтобы это не было просто «пока длится домашний арест»... — она грустно опустила глаза

— Соня, ну почему ты так долго молчала?! — воскликнула Таня, и в её голосе смешались обида и искреннее недоумение. — Неужели ты думала, что я тебя не пойму? Да я сама сейчас в такой же ситуации, ты же знаешь... У меня от этих чувств голова кругом идёт, и я каждый день боюсь сказать что-то не то.

Она потянулась через стол и наконец накрыла ладонью руку Сони — крепко, по-дружески, без упрёка, просто чтобы показать: она здесь, она рядом, и между ними не должно быть никаких стен.

— Мы же друг для друга всегда были тем самым местом, куда можно прийти и выложить всё без прикрас, — тихо добавила Таня, чуть смягчив тон, и в её глазах мелькнуло то самое понимание, которого Соне так не хватало все эти дни. — Так зачем прятать самое важное?

Соня на мгновение замерла, будто только сейчас до конца осознала, как сильно ей не хватало этого простого, тёплого принятия. Она слабо улыбнулась, чувствуя, как тяжёлый ком, столько дней сдавливавший грудь, понемногу тает.

— Прости, — прошептала она, переплетая свои пальцы с Таниными, словно цепляясь за эту связь, как за спасительную нить. — Просто когда это всё такое новое и неловкое, кажется, что если расскажешь — всё испортишь.

Таня чуть сжала её руку и улыбнулась — не широко, а так, по-особенному, когда улыбка рождается где-то глубоко внутри и согревает не только того, кто улыбается, но и того, на кого смотрят.

— Ничего ты не испортишь, — уверенно сказала она. — А если что, мы вместе придумаем, как сделать так, чтобы всё стало только лучше. И знаешь, насчёт матчей... Я с радостью пойду с тобой. Буду сидеть рядом и подбадривать — и тебя, и себя.

Глава 6

Соня зарылась лицом в подушку, вдыхая её знакомый, чуть пыльный запах, будто он мог заглушить ту горькую смесь стыда и обиды, что разъедала изнутри. Почти год она бегала за Пономарёвым, ловила каждый его взгляд, искала в случайных фразах скрытый смысл — и теперь ей казалось, что она выставила себя полным посмешищем, раз за разом подавая надежду там, где её, возможно, никогда и не было.

«Неужели я всё неправильно поняла?» — снова и снова прокручивала она в голове, как заезженную пластинку. Ей так искренне казалось, что симпатия взаимна: в том, как он чуть задерживал взгляд, как будто невзначай касался её руки, как старался оказаться рядом. Но теперь Кирилл словно нарочно избегал её — любой ценой, любыми возможными способами. И от этой мысли становилось особенно больно: выходит, всё, что было в начале их знакомства, оказалось лишь игрой её воображения, красивой иллюзией, которую она сама себе придумала.

Соня отвлеклась от этих горьких, изматывающих раздумий, когда на тумбочке завибрировал телефон. Она схватила его, будто за спасительную соломинку, и постаралась, чтобы голос звучал ровно, без этой предательской дрожи:

— Да?

— Привет... — прохлюпала в трубку Таня, и от этого тихого, надломленного голоса у Сони внутри всё сжалось. — Хоть кто-то из нас наконец выбрался из этой петли...

— О чём ты? — взволнованно уточнила Соня, чувствуя, как тревога холодными пальцами сжимает сердце.

— Я призналась Никите.

На мгновение в трубке повисла тишина — та самая звенящая пауза, когда слова застревают в горле, не решаясь вырваться наружу.

— Что он ответил? — еле слышно спросила Соня, уже заранее боясь услышать ответ.

— А что он мог ответить? — голос Тани дрогнул, но она сдержала слёзы, будто не хотела, чтобы подруга слышала, как сильно она ломается. — Сказал, что мы друзья, что никогда не рассматривал меня в таком плане... Что я ему как ещё одна сестра.

Каждое слово падало в тишину, как тяжёлый камень, оставляя после себя круги боли.

— Почему? То есть... как ты решилась? Почему именно сейчас? — Соня пыталась подобрать правильные слова, но всё выходило неуклюже, слишком просто для такой большой беды.

— Сонь, осенью мы переходим в десятый класс. А он поступит в университет, будет жить своей жизнью, встретит кого-то... Я думала, если у меня и есть хоть какой-то шанс, надо попробовать именно сейчас, — устало, уже без слёз, ответила Таня, и в её голосе звучала не только боль, но и странное, горькое облегчение — будто, сказав это вслух, она наконец сбросила с плеч невыносимо тяжёлый груз.

— К тебе приехать? — тихо предложила Соня, готовая прямо сейчас натянуть куртку и бежать через весь город, лишь бы быть рядом.

— Нет, прости... Хочу побыть одна.

— Да, конечно. Я понимаю. Позвони, если захочешь увидеться, ладно? — проговорила Соня, стараясь вложить в эти слова всю свою поддержку, даже если сейчас она могла предложить только голос в трубке.

— Ладно... Спасибо.

В трубке щёлкнуло — Таня сбросила вызов. Соня положила телефон на кровать и снова уткнулась лицом в подушку. Теперь к её собственной боли прибавилась ещё и эта — за подругу. Таня оказалась куда смелее её: не стала прятаться за сомнениями, не стала ждать «подходящего момента», который, возможно, никогда бы и не наступил.

«У неё хотя бы был момент, когда она решилась», — подумала Соня, и эта мысль кольнула где-то глубоко внутри. Мне самой осталось два года до выпуска Кирилла. Но как вернуть то лёгкое, тёплое чувство, которое когда-то связывало её с Кириллом? Как сделать так, чтобы он снова её заметил — не как тень из прошлого, не как кого-то, кого можно вежливо обходить стороной, а как человека, с которым хочется говорить, смеяться, быть рядом?

Соня закрыла глаза, пытаясь удержать в голове хоть одну ясную мысль среди этого хаоса. Но в голове крутилось только одно: «Что мне теперь делать?» — и ответа на этот вопрос у нее не было.

— Привет, Кирилл! — проворковала Соня, стараясь растянуть губы в лучезарной улыбке, будто эта яркость могла скрыть неловкость, сковывавшую всё тело.

Они встретились на матче — якобы случайно. Но оба прекрасно понимали: никакой случайности тут не было. Соня снова занималась этими нелепыми «случайностями», чуть ли не выслеживая Пономарева, и от этой мысли ей становилось одновременно и стыдно, и отчаянно хотелось верить, что всё не так уж глупо.

Кирилл ответил снисходительной улыбкой — не холодной, но и не тёплой, такой, какой она когда-то так ждала:

— Привет, Сонь. Всё в порядке?

— Да, всё хорошо! — выпалила она чуть громче, чем следовало, будто пыталась этой бодростью заполнить зияющую пустоту между ними. — Удачи в игре!

Соня замерла, лихорадочно пытаясь придумать хоть что-то ещё — умное, лёгкое, такое, чтобы он задержался, посмотрел на неё не мельком, а по-настоящему. Но слова рассыпались, не складываясь ни во фразу, ни в шутку, и повисла неловкая тишина.

Кирилл коротко кивнул, будто принял её пожелание как должное, и пошёл в сторону раздевалки — лёгкой, уверенной походкой, с той самой собранностью, которая всегда появлялась перед игрой.

Соня побрела занимать место на трибунах, выбирая то, откуда будет видно каждую его тень, каждый жест. Сердце на мгновение замерло, когда он наконец вышел на площадку: в спортивной форме, с сосредоточенным, но живым лицом, он снова стал тем самым Кириллом — тем, кого она когда-то не могла забыть.

Он улыбался, перекидываясь с другим игроком короткими шутками, и в этой непринуждённости было что-то до боли знакомое — и в то же время бесконечно далёкое. Соня вцепилась пальцами в край сиденья, будто это могло удержать её от того, чтобы не вскочить, не подбежать, не крикнуть что-нибудь, лишь бы он снова посмотрел на неё так, как смотрел той ночью — будто она для него важнее всего на свете.

Но он не смотрел. Он был здесь, на площадке, в своей стихии — а она осталась там, на трибуне, среди чужих голосов и чужого веселья, с горьким ощущением, что между ними теперь пролегла невидимая, но непреодолимая дистанция. И самое страшное — она не знала, как её сократить.

— Привет, — Таня крепко обняла подругу, будто хотела этим жестом передать всё то, что словами выразить не получалось.

— Привет, родная. Как ты? — спросила Соня, вглядываясь в лицо Тани, словно пытаясь по мельчайшим деталям понять, что творится у неё внутри.

— Всё хорошо, Сонь... — Таня чуть помедлила, подбирая слова, и в этой паузе уже чувствовалось что-то тяжёлое, неизбежное. — Я только хотела кое-что сказать. Не знаю, как ты на это отреагируешь...

— И что же? — Соня слегка нахмурилась, и в её голосе прозвучала настороженность — будто она уже предчувствовала, что сейчас услышит что-то, к чему не готова.

— Я уезжаю учиться во Францию, — тихо, почти шёпотом, ответила Таня, и в этом признании была не только грусть, но и какая-то робкая надежда, что Соня всё поймёт и не станет её винить.

— Это... это из-за Никиты? И что теперь? Ты меня бросаешь?! — вскрикнула Соня, и голос её сорвался — в нём смешались обида, растерянность и страх перед тем, как резко и беспощадно может измениться привычный мир.

— Нет-нет, дело совсем не в Никите! — быстро, почти отчаянно проговорила Таня, схватив Соню за руки, будто боялась, что если не удержит её сейчас взглядом, не объяснит всё сразу, то подруга просто не станет слушать. — У папы открывается филиал за границей. Мы переезжаем на несколько лет — пока дела там не устаканятся. Но это не значит, что мы прекратим общаться! Мы будем переписываться, созваниваться каждый день, если хочешь...

— Каждый день... — горько повторила Соня, и её плечи чуть опустились, будто из них разом ушла вся сила. — Это совсем не то. Как я буду без тебя? Ты же моя опора, мой человек, с которым можно и плакать, и смеяться, и молчать... А теперь ты будешь там, за тысячи километров, и всё станет другим.

Таня снова притянула её к себе, крепко прижала, позволяя Соне уткнуться ей в плечо, и прошептала, будто пыталась вложить в эти слова всю свою верность и обещание, которое собиралась сдержать любой ценой:

— Я никуда не исчезаю, слышишь? Расстояние — это просто километры. А мы остаёмся теми же. Я буду рядом — пусть не физически, но я никуда не денусь. И если тебе станет тяжело, если захочется просто выговориться или даже просто помолчать вместе — я возьму трубку. Обещаю.

Соня кивнула, не поднимая головы, и сжала пальцами ткань Таниной кофты, будто цепляясь за неё, как за последнюю ниточку, связывающую её с чем-то надёжным и настоящим. Она знала, что Таня говорит искренне. Но от этого не становилось легче: мир всё равно менялся, и ей предстояло научиться жить в этом новом, непривычном измерении — где её лучшая подруга будет очень далеко.

Глава 7

Выпускной. Соня вздохнула, и этот вздох вышел долгим, будто вместе с воздухом она пыталась выпустить наружу всё то напряжение, что копилось в ней неделями. Волнение не покидало её ни на минуту — оно пульсировало где-то под рёбрами, то затихая, то снова накачивая горячей волной.

После отъезда Тани она так и не смогла найти человека, с кем можно было бы просто быть собой — без масок, без попыток казаться сильнее или равнодушнее, чем есть на самом деле. Все эти попытки сблизиться с кем-то из одноклассниц оборачивались неловкими паузами, пустыми разговорами и ощущением, что между ней и остальными пролегла невидимая стена. Таня умела слышать даже то, что оставалось невысказанным, а теперь этой опоры не было — и мир казался чуть более холодным и одиноким.

Сегодня всё должно было измениться. Или хотя бы перестать мучить эту неопределённость. Все её прежние уловки, нелепые «случайные» встречи, долгие взгляды исподтишка — всё это осталось в прошлом. Сегодня она не будет прятаться за недоговорённостями и робкими намёками. Сегодня она наконец спросит его прямо. Пусть будет неловко, пусть он ответит не так, как ей хочется, — но лучше знать правду, чем годами гадать, что значили его улыбки, его мимолётные взгляды, его «всё в порядке, Сонь».

Соня поправила платье, провела ладонью по гладкой ткани, словно этот жест мог придать ей уверенности. В зале гремела музыка, вокруг мелькали яркие наряды, слышался смех, кто-то выкрикивал чьи-то имена, но для неё весь этот шум будто приглушился, сжался до одной-единственной точки — до Кирилла, который стоял у дальней стены, слегка отстранённый, будто тоже не до конца понимал, что делать со всей этой праздничной суетой.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла, и сделала первый шаг. Потом второй. И ещё один. Каждый шаг отдавался в висках, но она шла вперёд, потому что понимала: если не сейчас, то, возможно, уже никогда.

— Привет, Кирилл. Мне нужно тебе кое-что сказать, — уверенно произнесла Соня, и в этом голосе, твёрдом и чуть звенящем от напряжения, почти не угадывалась та робкая девочка, какой она была ещё пару месяцев назад.

Кирилл внимательно оглядел её — с головы до ног, медленно, будто заново узнавая. Его тёплые зелёные глаза скользили по ней, задерживаясь на деталях, и в какой-то момент в них словно что-то вспыхнуло — лёгкий отблеск удивления, интереса... Соня заметила это и невольно просияла. Ей было приятно.

Конечно, за эти почти три года она изменилась. Волосы, которые раньше казались ей унылого «мышинного» оттенка, теперь переливались красивым светло-русым цветом. Глаза искрились, как маленькие кристаллы льда, а в чертах лица всё отчётливее проступало сходство с мамой — нежная линия скул, чуть упрямый изгиб подбородка. Её фигура обрела плавные, женственные изгибы, и сейчас, в этом платье, она наконец чувствовала себя не неуклюжим подростком, а девушкой, которая имеет право на свои чувства.

— Привет, — прокашлявшись, ответил Кирилл и тут же привычно улыбнулся своей фирменной улыбочкой — той самой, от которой у Сони раньше подгибались колени. — Что за разговор?

Соня сделала короткий вдох, будто ныряла в холодную воду, и выпалила, не давая себе ни секунды на сомнения:

— Ты мне нравишься. Почти с самого начала нравился.

На долю секунды ей показалось, что в его глазах снова мелькнуло что-то живое, тёплое — будто её слова коснулись какой-то спрятанной внутри струны. Но Кирилл быстро отвернулся,

будто пытаюсь скрыть эту вспышку, а когда снова посмотрел на неё, взгляд его был пустым, ровным, ничего не выражающим.

— Прости, Сонь... Ты очень классная. Правда. Я уверен, кому-то другому невероятно повезёт с такой девушкой, как ты, — тихо, почти с грустью произнёс он.

Соня крепко сжала зубы, чтобы не дать слезам пробиться наружу. Холодно кивнула, развернулась и пошла к выходу, стараясь шагать ровно, не спотыкаясь, чтобы никто не заметил, как сильно дрожат её ноги.

«Точно показалось. Я всё это выдумала. А по сути — что? Всё было только в моей голове», — крутилось в голове, одно и то же, как заезженная пластинка, царапающая сознание.

Выйдя на улицу, она прислонилась к холодной стене, чувствуя, как ночной воздух остужает пылающие щёки. «Хочу уехать отсюда», — думала она, глядя в тёмное небо, где звёзды казались далёкими и равнодушными.

Лёше звонить было бессмысленно: у него началась ординатура, и дома он появлялся ещё реже, чем раньше. Дима? Да, можно попробовать.

Она набрала его номер.

— Да, — быстро ответил брат.

— Дима, можешь меня забрать?

— Уже? Вечеринка только началась. Думал, детишкам нравится такое: отсутствие родителей и возможность оторваться по полной, — усмехнулся он, привычно подтрунивая.

— Не смешно. Можешь просто ответить? — раздражённо бросила Соня, и в этом раздражении была не злость на Диму, а боль, которую хотелось хоть куда-то выплеснуть.

— У меня через десять минут совещание, но...

Дима не успел договорить — Соня сбросила вызов. Сегодня эти привычные шуточки, которыми они всегда перебрасывались, только царапали, делали больнее.

Снова скользнув пальцем по экрану, она набрала другой номер.

— Да, мелкая, — шёпотом ответил Никита, будто находился где-то, где нельзя было говорить громко.

— Можешь меня забрать? — без предисловий, сухо и прямо спросила Соня.

— Что-то случилось? — сразу став серьёзным, уже громче спросил он.

— Можешь или нет? — с нетерпением настаивала она, чувствуя, как внутри всё сжимается от желания просто оказаться подальше отсюда, в каком-нибудь тихом, безопасном месте.

— Ну... Экзамен сдан. Думаю, не буду дожидаться результатов. Сейчас буду, — решительно ответил Никита, и в этих простых словах прозвучало то самое, за что Соня его любила: готовность отложить всё важное, если кому-то из своих нужна помощь.

Через двадцать минут брат был на месте. Соня вышла из здания и направилась к машине. Никита распахнул дверь и чуть наклонился, подзывая её сесть. При этом он очень по-братски, почти трогательно, придерживал руку над проёмом — чтобы она не ударилась головой.

Соня закатила глаза и хмыкнула — эта привычная братовская забота всегда казалась ей немного излишней. Но на самом деле внутри всё сжималось от тихой благодарности: в такие моменты особенно остро ощущалось, что есть люди, которые просто не дадут тебе упасть.

Усевшись на сиденье, она выдохнула, будто только теперь позволила себе расслабиться. Никита, не отрывая взгляда от дороги, спокойно уточнил:

— Что там у Вас с Димой, а? Он мне уже весь мозг вынес: хотел совещание с инвесторами отменять. Всё спрашивал, что у тебя случилось.

Он бросил на неё короткий внимательный взгляд — не навязчивый, но такой, в котором читалось: «Я здесь, я слушаю, если хочешь рассказать». И от этого простого участия внутри у Сони разлилось тепло, тихое и надёжное, как свет лампы в тёмной комнате. Несмотря на всё, что сегодня обрушилось на неё, она точно знала: ей невероятно повезло с семьёй. Они любили её и переживали — даже если иногда делали это чересчур шумно и напористо.

— Ты его успокоил? — тихо спросила Соня, проводя пальцем по окну и рисуя на запотевшем стекле узоры.

— Да, успокоил, — кивнул Никита. — Но с чего ты вообще на него злишься? Он ведь просто переживает.

— Я не злюсь... — Соня на секунду запнулась, подбирая слова, будто они были слишком тяжёлыми, чтобы легко срываться с языка. — Просто сегодня... Я Кириллу призналась.

Никита чуть заметно вздохнул — не с раздражением, а так, будто сразу понял, какой груз она сейчас пытается с себя сбросить.

— Ясно... — протянул он, и в этом «ясно» не было ни насмешки, ни осуждения — только спокойное принятие.

— Хотела попробовать. Думала, может, чувства всё-таки есть... — Соня опустила взгляд, разглядывая свои пальцы, и добавила почти шёпотом, с той самой детской надеждой, которая иногда прорывается даже у повзрослевших людей: — Смешно, конечно, но я иногда думала... Может, вы ему запретили со мной общаться?

Она подняла глаза на брата, будто в его ответе могла найти объяснение всему тому, что так долго не давало ей покоя.

— Ничего мы не запрещали ему, — спокойно, но с лёгкой усталостью ответил Никита, и в его голосе прозвучала та самая взрослая прямота, которая иногда ранит, но всегда честна. — Просто... иногда люди не подходят друг другу, даже если очень хочется, чтобы подошли.

Соня кивнула, не споря. В груди всё ещё ныло от обиды, но рядом с Никитой эта боль уже не казалась бесконечной — она становилась просто частью вечера, который рано или поздно закончится. И пока машина мчалась по тёмным улицам, унося её подальше от выпускного, от неловких слов и несбывшихся надежд, Соня чувствовала: сегодня ей не нужно быть сильной. Сегодня можно просто выдохнуть — потому что рядом был брат, который не станет задавать лишних вопросов, а просто довезёт до дома.

Глава 8

Лёша устало потёр виски, будто пытался стереть не просто усталость, а весь этот нескончаемый разговор, который уже начинал давить на виски не хуже мигрени. В такие моменты он особенно остро вспоминал, почему когда-то зарекся заводить отношения: эмоции, перепады настроения, эти бесконечные попытки что-то объяснить, когда логика будто вообще не работает... Ему и так хватало забот — матери, сестры, бесконечных семейных бурь. Иногда хотелось просто тишины и ясности, где всё раскладывается по полочкам, а не крутится в вихре чувств.

— Что за глупости! — резко выдохнул Дима, не скрывая раздражения. — Какой ещё программист? Ты никогда не любила точные науки. Да у тебя по информатике вечно тройка была!

— Ну, закончила я с четвёркой, — гордо вздёрнув подбородок, возразила Соня, словно эта единственная четвёрка была её маленьким, но важным трофеем.

— Сонь, просто этот выбор и правда выглядит... странным для тебя, — вставил Лёша, стараясь звучать примиряюще, держать голос ровным, не подливать масла в огонь. Он не хотел ссориться, просто пытался понять, что творится у неё в голове.

— Может, лучше рисование? Ты отлично рисуешь, — спокойно, без нажима, предложил Никита.

— Нет, — упрямо ответила Соня и резко замотала головой, как будто одним этим движением хотела отсечь все чужие сомнения, все «а может, лучше вот это». В её взгляде читалось упрямство, смешанное с обидой: ей хотелось, чтобы её услышали, а не пытались тут же переубедить, будто она сама не знает, чего хочет.

— Это же из-за него? — спросил Дима, стараясь держать голос ровным, хотя внутри всё кипело. «Господи, да скажите вы ей кто-нибудь уже!» — мысленно взвыл он, но вслух сдержался, лишь крепче сжал кулаки.

— Нет! Это потому, что я так хочу! — горячо возразила Соня, и в её голосе звенела не просто обида — в нём была отчаянная попытка отстоять себя, своё право на выбор, даже если этот выбор никто не понимал.

— Соня, мы не против, если ты хочешь пойти туда, потому что тебе правда нравится... Но... — Лёша запнулся, подбирая слова, которые не прозвучали бы как упрёк, но и не оставили бы эту тему висеть в воздухе, как незаживающую рану.

— Это моё решение! — резко перебила она, не давая никому вставить ни слова. В её глазах вспыхнул тот самый упрямый огонь, который появлялся всякий раз, когда ей казалось, что на неё давят, не слышат, пытаются загнать в привычные рамки. — Даже родители не против, а вы, как всегда... — с горечью, почти выплёвывая слова, добавила она.

— Хорошо, Сонь... Только ты должна знать, — устало вздохнул Никита, будто на его плечи легло что-то тяжёлое, то, что ему совсем не хотелось нести, но он не мог этого не сделать. — У Кирилла есть девушка. Они начали встречаться после выпускного и почти всё лето вместе. Так что, может, стоит перестать... заниматься глупостями? Ещё не поздно забрать документы и... — Никита осёкся, увидев, как мгновенно изменилось лицо сестры: будто кто-то резко выключил свет.

Соня вздрогнула, словно от удара, и, не сказав ни слова, резко развернулась. Её шаги гулко простучали по лестнице, а потом хлопнула дверь её комнаты — резко, отчаянно, как финальная точка в разговоре, который она больше не хотела продолжать.

Оставшись одна, она прислонилась спиной к двери, чувствуя, как мир вокруг сжимается до размеров этой маленькой комнаты, и наконец дала волю слезам, которые так долго сдер-

живала. Они катились по щекам, горячие и горькие, смывая остатки надежд, которые она так старательно лелеяла всё это время.

НАСТОЯЩЕЕ

Соня проморгалась, будто выныривая из тёмного омута воспоминаний, где всё ещё кружились обрывки старых надежд и неловких попыток быть замеченной. Неудачная односторонняя любовь... Теперь это казалось чем-то далёким, почти чужим — будто речь шла не о ней, а о какой-то другой, слишком доверчивой и упрямой девочке.

Через неделю ей исполнится двадцать один. Сколько глупостей она успела натворить за эти годы! Даже после отказа Кирилла продолжала надеяться. Даже когда у него появилась девушка. Даже когда в его взгляде вместо прежней усмешки проступило едва уловимое презрение — желание поскорее обойти её стороной, не задерживать на ней взгляд. А она всё равно ждала, цеплялась за какие-то мимолётные совпадения, за случайные кивки, за тени улыбок, которых, возможно, и не было вовсе.

Но Соня больше не хотела тратить на него свою жизнь. Не хотела, чтобы его тень ложилась на её будущее, мешая разглядеть то, что действительно важно.

Может, на неё повлияли эти бесконечные, порой раздражающие, но такие нужные разговоры с братьями. Она была им искренне благодарна: если бы не их упрямое, почти настырное желание «вправить ей мозги», четыре года назад она бы и правда подала документы в университет информационных технологий — не потому, что мечтала о коде и алгоритмах, а просто чтобы быть рядом с Кириллом. Лёша, Дима, Никита — каждый по-своему, но все они не давали ей свернуть на эту ложную дорогу.

Не меньше помогла и Таня. Их бесконечные разговоры по телефону, когда они могли часами разбирать каждую мелочь, каждое слово, каждый взгляд, пока наконец Соня не начала слышать собственный голос среди этого шума. Именно в этих разговорах она понемногу училась отличать настоящую тягу к чему-то от желания быть рядом с тем, кто не готов ответить тем же.

И вот теперь она почти заканчивает четвёртый курс факультета журналистики. Её путь — совсем другой, и в нём нет места старым иллюзиям. Пора действительно отпустить Кирилла. Не делать вид, что уже ничего не болит, опуская взгляд и отворачиваясь каждый раз, когда его имя мелькает в разговоре. Не прятать старые чувства за маской равнодушия. А по-настоящему отпустить — позволить этой истории занять своё место в прошлом, как странице, которую уже прочитали и аккуратно закрыли.

Соня глубоко вдохнула, чувствуя, как вместе с этим вдохом уходит тяжесть, столько лет тянувшая её назад. Впереди было что-то новое — неизвестное, возможно, пугающее, но живое. И она была готова к этому. Готова открыться навстречу будущему, в котором её решения будут продиктованы не надеждой на чей-то взгляд, а собственным желанием идти вперёд.

— Ой, время! — пробормотала Соня и, схватив телефон, быстро зашла в знакомое приложение. Щёлкнув по иконке Тани, она тут же расплылась в улыбке.

— Привет! — радостно воскликнула Соня, будто сама возможность слышать голос подруги уже делала день светлее.

— Привет! — защебетала Таня, и в её голосе звенели такие яркие нотки, что Соня невольно заулыбалась ещё шире. — Не верю, что скоро увижу тебя вживую! Наконец-то возвращаюсь домой. Родители, правда, задержатся ещё на пару месяцев, но это уже их забота. Я столько подарков везу — ты просто не представляешь!

Она сделала короткую паузу, будто пыталась уместить в неё все эмоции, а потом снова понеслась вперёд:

— Но знаешь, моя знакомая Саша говорит, что во Франции лучшая косметика. Хотя... если подумать, она вообще всегда твердит, что во Франции всё лучшее, чего бы это ни касалось. Но вот что точно стоит у француженок взять на вооружение — так это их отношение и к мужчинам, и к жизни в целом.

Соня рассмеялась, слушая этот стремительный поток слов, и подумала, что Таня вполне могла бы вести монолог в одиночку, а ей оставалось бы только вставлять «да» или «нет» — и этого было бы вполне достаточно.

— Её и правда так зовут — Саша? — с улыбкой поинтересовалась Соня, ловя себя на том, как сильно она соскучилась по этим бесконечным, ни о чём и обо всём сразу разговорам.

— Нет, но не заставляй меня выговаривать её настоящее имя — язык сломаешь. Мы сошлись на Саше, она вовсе не против. Ну а как твоя учёба? Готовишься вступить в этот жёсткий мир глянца?

— Если честно, безумно интересно! — с энтузиазмом ответила Соня, и в её голосе прозвучала та самая искренняя увлечённость, которая раньше пряталась за сомнениями. — Даже не думала, что мне так понравится писать. В голове столько идей — о чём писать, что обсудить... И не принижай мои способности, ладно? Почему сразу глянец? Думаешь, я могу писать только что-то несерьёзное? Вроде статей «10 самых красивых звёзд»?

Таня громко рассмеялась — так заразительно, что Соня не смогла сдержать улыбку, даже пытаясь выглядеть обиженной.

— Нет-нет, я вовсе не это имела в виду! — продолжала смеяться Таня. — Я просто подумала, что ты будешь писать что-нибудь вроде «10 лучших засолов для огурцов». Ты же всё-таки в своем доме живёшь!

Соня шутливо показала подруге язык и демонстративно отвернулась.

— Прости, это просто шутка, — уже серьёзнее сказала Таня, но в её голосе всё ещё дрожали отголоски смеха. — Но если честно... ты ведь не думаешь наивно, что, придя на работу, тебе сразу дадут писать то, что тебе по-настоящему хочется? — она чуть помедлила, и в этом вопросе прозвучало не желание обесценить мечты Сони, а простое, немного тревожное беспокойство за подругу.

- Я не настолько глупая. Расскажи лучше о себе. Что будешь теперь делать с учёбой, ты же решила стать адвокатом.

— Ну... — задумчиво протянула Таня, будто взвешивая каждое слово, словно в нём пряталась вся тяжесть и одновременно притягательность предстоящих шагов. — Я закончила обучение. Осталось пройти нострификацию, подумать насчёт магистратуры... А потом ещё сдать экзамен в адвокатуру.

Она чуть улыбнулась — не беззаботно, а так, будто ей даже нравилась эта гора задач, которая могла бы кого-то другого напугать до дрожи.

— Всё, на самом деле, не так просто. Вопросов столько, что голова кругом. Но знаешь... именно это меня и будоражит. Когда впереди столько неизвестного, столько всего, что нужно разобрать по полочкам, — это как вызов, понимаешь? Не пугает, а заставляет чувствовать, что я по-настоящему живу и двигаюсь вперёд.

— Разве это не забавно? — подраживая подругу, спросила Соня, хитро прищурившись. — Ты хочешь стать адвокатом, а мой братец Ник — прокурором. Идеальная пара, прямо как в каком-нибудь драматичном сериале.

— Со-о-оня, — протянула Таня жалобно, закатывая глаза, будто от одной этой мысли ей становилось не по себе. — Прекрати, пожалуйста. Забудь, что он мне когда-то нравился. Это было так давно... и так нелепо. Сейчас даже вспоминать смешно.

Соня чуть опустила взгляд, разглаживая невидимые складки на покрывале, и тихо призналась:

— Хотела бы я быть похожей на тебя. Ты никогда не тянула: сразу спросила — и так же сразу отпустила. А я столько времени кружила вокруг да около, боялась сделать шаг, а потом боялась его отменить...

Таня вдруг резко подалась вперёд, вглядываясь в лицо подруги через камеру с таким пристальным, почти требовательным вниманием, что Соня невольно замерла.

— Ты же тоже решила всё закончить? С этим... с Кириллом? — спросила Таня, и в её голосе прозвучало не просто любопытство, а желание убедиться, что подруга наконец встала на твёрдую землю.

— Да... — тихо выдохнула Соня и тут же грустно вздохнула, словно вместе с этим выдохом из неё выходила старая, тяжёлая усталость. — Но столько времени потеряно...

— Что?! — Таня даже всплеснула руками, не дав этим горьким словам осесть в воздухе. — Даже не думай об этом. Никаких «потеряно». Всё всегда вовремя. Тебе только исполняется двадцать один, ты на пятом курсе — вся жизнь у тебя впереди, раскинулась, как широкая дорога. И на этой дороге ещё столько поворотов, столько возможностей... Ты только начни по ней идти — и сама удивишься, сколько всего сможешь.

— Ты столько всего уже прошла, столько всего поняла про себя. Это не потерянное время — это твой опыт, твоя опора. И теперь ты можешь строить дальше, уже зная, чего хочешь. И чего точно не хочешь.

Соня слабо улыбнулась, чувствуя, как внутри, где ещё недавно была только тяжесть, начинает потихоньку разгораться тихий, но тёплый огонёк надежды.

— Спасибо, — тихо прошептала она. — Иногда мне просто нужно, чтобы кто-то вот так вот взял и сказал всё прямо. Без жалости, но с верой, что у меня всё получится.

— А я всегда буду это говорить, — уверенно кивнула Таня, снова становясь той самой неунывающей, упрямой подругой, которая умела вытаскивать из любой ямы. — Потому что верю. И потому что знаю: ты справишься.